

*Т*лотив

СОВРЕМЕННОГО

РЕВИЗИОНИЗМА

59-3
3272

ОБЯЗАТЕЛЬНЫЙ

ПРОТИВ СОВРЕМЕННОГО РЕВИЗИОНИЗМА

СБОРНИК ПЕРЕВОДОВ

•

*Под редакцией
проф. Г. С. Васецкого и А. П. Бутенко*

*Вступительная статья
проф. Г. С. Васецкого*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1958

Ю. Ковальский

ПО ПОВОДУ ПОЛЕМИКИ ВОКРУГ РАБОТЫ РОЗЫ ЛЮКСЕМБУРГ «РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ»¹

Извещение об издании в библиотеке «По просту» работы Розы Люксембург «Русская революция», появление по этому поводу статьи Юлиана Хохфельда, а также полемика, которая затем завязалась между автором и Романом Верфелем на страницах «По просту», вызвали большой интерес к затронутым в связи с этим вопросам. Читатели находятся в трудном положении, так как в подавляющем большинстве они не знают этой работы Розы и знакомятся с изложенными в ней взглядами главным образом по выводам т. Хохфельда.

Небольшая — 50 страниц малого формата — работа Розы Люксембург возникла из статей, которые она писала летом 1918 года в прусской тюрьме во Вроцлаве; статьи были предназначены для периодического издания Союза Спартака и «Спартакусбрифе». Ни статьи, ни брошюра не увидели света, так как их издание было признано в кругах спартаковцев нежелательным по политическим соображениям. Этой точки зрения придерживалась сама Роза и не изменила ее после выхода из тюрьмы. Через 2 года после смерти Розы Люксембург брошюру опубликовал бывший деятель Союза Спартака и КПГ Пауль Леви после его исключения из Коммунистической партии Германии; он считал, что в этой брошюре были сведены с оппортунистических и, по сути дела, ренегатских позиций его политические счеты с этой партией, с ленинизмом, с Советской Россией.

---

¹ Статья из газеты «Трибуна люду» от 18 апреля 1957 года. Перевод Г. Ф. Хрустова.

Т. Хохфельд пытается доказать, что якобы все, что известно об оговорках Розы относительно издания работы «Русская революция», а также о последующей частичной эволюции ее взглядов, не имеет существенного значения; что в этой работе отражены взгляды, которые Роза полностью разделяла вплоть до своей смерти. Он не придает значения высказыванию на этот счет ближайшего соратника Розы, Лео Йогихеса Тышко¹. Подобным же образом он рассматривает аналогичные высказывания Клары Цеткин, Адольфа Варского, Владимира Ильича Ленина. Он игнорирует тот факт, что сама Роза в огне немецкой революции изменила свои взгляды в таких существенных вопросах, как проблема отношения к Советам и буржуазному парламенту (то есть Учредительному собранию), как проблема средств борьбы с контрреволюцией и т. д.

Нет необходимости подробно заниматься этой стороной проблемы, которую в письме в редакцию «По просту» конкретно выяснил т. Верфель.

Работа Розы «Русская революция» (независимо от того, что является в ней неправильным) содержит ряд глубоких мыслей. Они приобретают очень актуальное значение на фоне происходящей сейчас в международном рабочем движении дискуссии об источниках ошибок и извращений в политической и экономической деятельности партии и социалистического государства в период так называемого культа личности. Если вдуматься во многие места работы Розы, то это может

¹ В своем разговоре с Klarой Цеткин Тышко незадолго до своей смерти так охарактеризовал эволюцию взглядов Розы по русским вопросам: «Она в значительной степени и в весьма существенных пунктах изменила свое первоначальное отношение к большевистским методам и тактике. То, что она писала на эту тему в доме предварительного заключения в Бреславле — является первой робкой и еще незрелой попыткой осветить русскую революцию с научно-критической точки зрения. В Бреславле у Розы не было под руками достаточных материалов. Когда она прибыла в Берлин и вступила в борьбу за германскую революцию, она с жаром принялась основательно изучать ход революционного развития в России. Сама германская революция заставила ее это сделать. Она выдвинула перед массами вопрос о диктатуре, демократии, системе Советов и т. д. Роза и не помышляла уже больше о том, чтобы публично выступить со своей старой критикой. Она собиралась написать новое, большое исследование о русской революции» (см. Кл. Цеткин, Роза Люксембург и русская революция, М. — Л., 1924, стр. 14).

вызвать ряд плодотворных размышлений. Но для этого необходимо рассматривать все изложенные в данной работе взгляды конкретно-исторически, с марксистско-ленинских позиций. Я считаю, что статья т. Хохфельда, задуманная как предисловие к работе Розы, не отвечает этим основным требованиям.

Так как Роза писала свою работу вдали от России, в условиях прусской тюрьмы, она не понимала сложности тогдашнего положения Советской России, не видела процесса русской революции во всей его конкретности. Разойдясь с Лениным во взглядах на ряд проблем, особенно по крестьянскому и национальному вопросам, она критиковала в своей работе ряд основных принципов стратегии большевистской партии, правильность которых неопровержимо доказала Октябрьская революция. Но, высказывая свои критические замечания, Роза отчетливо осознает значение Октябрьской революции, дает высокую оценку ей как переломному моменту в истории борьбы за социализм, а также исторической роли Ленина и большевистской партии как партии *последовательно революционной*, которая повела пролетариат на победоносную борьбу за власть.

«Большевики, — писала Роза, — поставили... сразу же целью своей борьбы за власть всю далеко идущую революционную программу; не какое-либо обеспечение буржуазной демократии, а диктатура пролетариата с целью осуществления социализма...»

«Большевики, — продолжала она, — ...проявили столько отваги, энергии, революционной дальновидности и последовательности, сколько вообще может проявить партия в исторический час. Большевики были полны революционной мысли и энергии, которой не хватало социал-демократии на Западе. Их Октябрьский переворот спас не только русскую революцию, но и честь международного социализма.»

С презрением говорила Роза о руководителях немецкой социал-демократии от Эберта и Шейдемана до оппортунистов типа Каутского, к которым затем примкнул Леви; о тех, кто, парализуя революционные стремления, нараставшие в немецком пролетариате, обливал грязью большевиков, социалистическую революцию и советскую власть в России.

Именно это полное энтузиазма отношение Розы к Октябрьской революции, глубокое осознание роли большевистской партии и одновременно глубокое презрение к правым руководителям социал-демократии не нашло, я считаю, достаточного отражения в статье т. Хохфельда.

Главную ценность работы Розы т. Хохфельд видит в двух идеях. «Это, — пишет он, — во-первых, идея неизбежности вырождения социалистической революции, в ходе которой были уничтожены или даже только серьезно ограничены демократические права, свободы и гарантии. Во-вторых, идея того, что вредно [sic!] указывать международному рабочему классу в качестве примера революционной стратегии и тактики на опыт первой победоносной пролетарской революции, совершенной в особых условиях отсталой, изолированной и переживающей специфические трудности страны».

В этих двух идеях, по мысли т. Хохфельда, заключаются предпосылки двух тезисов, столь актуальных в настоящий момент: тезиса о необходимости одновременного развития демократии и строительства социализма, а также тезиса о своеобразии пути каждой страны к социализму и необходимости класть принципы равенства и суверенитета в основу отношений между социалистическими странами.

Критикуя ряд сторон стратегии и тактики большевиков и, следовательно, их позицию в аграрном и национальном вопросах, их отношения к Учредительному собранию, их определение границ демократических свобод, а также их взгляды на методы осуществления диктатуры пролетариата и в особенности применение репрессий против контрреволюционеров и т. д., Роза действительно указывала на конкретные условия тогдашней России. Она говорила о хозяйственной и культурной отсталости России, о разрухе в стране в результате войны, о численном преобладании крестьян, о натиске германского империализма, видя в этих условиях веские причины, вынуждающие большевиков к применению такой, а не другой — хотя, по ее мнению, и ошибочной в вышеупомянутых вопросах — стратегии и тактики. Она вместе с тем считала, что эту тактику и стратегию, навязанную России тогдашними тяжелыми условиями, было бы неправильно «зафиксировать теперь

теоретически во всех деталях (подчеркнуто нами. — Ю. К.) и порекомендовать международному пролетариату как образец социалистической тактики».

Здесь очень существенна оговорка Розы — «во всех деталях», — к которой мы вернемся ниже. Тем не менее мнение о том, что ленинизм, теория и практика большевиков, представляет собой «чисто русское» явление, было в свое время распространено среди левых европейских социал-демократов и даже среди части молодых деятелей коммунистических партий в начале 20-х годов. Однако основные принципы ленинизма являются не только обобщением огромного опыта русского революционного движения, но и творческим синтезом теории и практики мирового рабочего движения. Таким образом, как это доказано ходом истории, они имеют международное значение, потому что отражают основные процессы современного общественного развития, к познанию которых должно прийти коммунистическое движение в каждой стране, конкретизируя и творчески развивая принципы марксизма-ленинизма на основе собственного революционного опыта.

Поэтому замечания Розы, трактующие стратегию и тактику большевиков как нечто совершенно специфическое, порожденное конкретными условиями тогдашней России, могли бы считаться правильными, если бы они касались второстепенных и третьестепенных черт этой стратегии и тактики, а не ее основных принципов.

Если можно, например, объяснить, почему в 1918 году Роза не понимала такой основной стратегической идеи ленинизма, как идея союза рабочего класса и крестьянства, то нельзя согласиться с т. Хохфельдом, который, указывая на отсталость России, считая ее преимущественно аграрной страной, пишет, что «с этой ситуацией связывается уже вся теория стратегических и тактических классовых союзов, а также теория перерастания демократической революции в революцию социалистическую». Ведь нет необходимости учить его, что марксистско-ленинская идея союза рабочего класса и крестьянства имеет международное значение.

Мы полностью отдаем себе отчет в том, что в настоящее время необходимо предостеречь от механического копирования опыта Октябрьской революции «во всех деталях», деталях специфических, продиктован-

ных конкретной ситуацией и условиями тогдашней России. В прошлом часто именно так и понимали применение опыта первой победоносной социалистической революции, что повлекло за собой ряд серьезных ошибок. Может ли это, однако, дать нам право квалифицировать принципы ленинской стратегии как своеобразную русскую «деталь»? Более того, может ли это дать нам право писать о «вреде» трактовки стратегии и тактики Октябрьской революции как международного образца? *Ведь то, что является существенным в ее опыте, имеет действительно международное значение и проверено в ходе истории.* Чтобы убедиться в этом, достаточно указать хотя бы на принцип гегемонии пролетариата в движении народных масс, на идею союза рабочего класса и крестьянства, на тезис о руководящей роли коммунистической партии как выразителя наиболее прогрессивных, революционных стремлений рабочего класса и трудящихся масс, на тезис о необходимости установления диктатуры пролетариата в переходный период между капитализмом и социализмом и на значение этих принципов в борьбе за завоевание власти народом и за построение социализма.

* * *

Осью рассуждений в статье т. Хохфельда и в IV главе работы Розы, на которую опираются рассуждения Хохфельда, являются ее замечания о роли демократии в условиях диктатуры пролетариата, о роли демократических свобод, свободы слова, свободы борьбы убеждений, а также ее попытки понять механизм отношений между руководящей группой и массами, ее опасения о создании пропасти между массами и руководством партии и ее аппаратом, опасения о его бюрократизации и даже вырождении.

Это, несомненно, вопросы огромной важности. Роза писала, что «социалистическая демократия начинается одновременно со свержением классового господства (буржуазии. — Ю. К.) и строительством социализма. Она является не чем иным, как диктатурой пролетариата».

Но понимаемая таким образом социалистическая демократия отличается от буржуазной демократии именно

тем, что она есть *демократия для трудящегося народа*, а не для его врагов, что она не может означать полной и неограниченной свободы действий для всех, то есть и для врагов народной власти. Неограниченная свобода и полное равенство (также и в столь существенной *материальной* области) может, по всей вероятности, стать действительностью только в бесклассовом коммунистическом обществе, где удастся осуществить принцип «каждому по потребности». Роза абстрагировалась от этого аспекта проблемы.

Более того, по той причине, что Роза писала эту работу в тюрьме, как об этом уже говорилось выше, она недостаточно отдавала себе отчет в огромных трудностях, связанных не только с завоеванием, но и удержанием власти русским (и не одним русским) пролетариатом. Поэтому, рассматривая проблему социалистической демократии до некоторой степени абстрактно, несколько абсолютизируя формальную демократию, она высказывалась за немедленное введение полной и всеобщей демократии. Она, правда, считала, что непосредственно после Октябрьского переворота, когда буржуазия и связанные с ней мелкобуржуазные элементы саботировали деятельность Советского правительства, «...нужно было применять против них все средства давления, лишить политических прав и экономических средств существования и т. д., чтобы железной рукой сломить их сопротивление...» Она считала, что «именно это было выражением социалистической диктатуры, которая не должна отступать перед применением всех строгостей, чтобы в общих интересах принудить к определенным мерам или препятствовать им».

Но, рассматривая эту неизбежную тактику, применявшуюся тогда большевиками, Роза проявляет полную непоследовательность, критикует советскую власть за роспуск Учредительного собрания, за лишение эксплуататорских слоев избирательных прав в условиях, когда они осуществляли вооруженные контрреволюционные действия. Она критиковала Советское правительство за то, что оно в тогдашней ситуации не воплотило в жизнь принципов «неограниченной свободы печати и собраний», упрекала его в «широком применении террора» к врагам революции и т. д.

В итоге она приходит к выводу, что в то время, как оппортунисты, например Каутский, выступают за демократию, пусть буржуазную, против диктатуры пролетариата, Ленин, большевики стоят якобы «за диктатуру, против демократии».

Первая часть этого суждения была правильной, так как вожди социал-демократии под прикрытием лозунга «защиты демократии» (буржуазной) и якобы «демократического» пути к власти и социализму нападали на большевистскую партию за организацию вооруженного восстания и завоевание власти пролетариатом. Его вторая часть, несомненно, неверна. Неверным было обвинение Ленина в том, что он якобы считал ограничение демократических свобод в отношении других общественных слоев, лишение их прав, применение террора имманентными чертами диктатуры пролетариата, которые будто бы он рекомендовал применять как постоянный принцип, как цель саму по себе. Ленин неоднократно подчеркивал, что все эти мероприятия являются *необходимостью*, навязанной и продиктованной активной контрреволюционной позицией буржуазии, связанных с ней политических партий, их печати и т. д., позицией, которую она заняла не только в первый период после Октябрьской революции, но и в последующие годы.

Ленин также неоднократно подчеркивал, что насилие не является самой важной чертой диктатуры пролетариата. Между прочим, он никогда не считал ограничения избирательного права постоянным явлением. *Ленин всегда выступал за ограничение репрессий до необходимого минимума, за максимально возможное в данных условиях расширение демократических свобод.*

Как известно, коммунистические партии, завоевывая власть в странах народной демократии в иной, неизмеримо более благоприятной исторической обстановке, могли выполнить свои задачи другим путем, избегая вообще гражданской войны, действуя в блоке с другими демократическими партиями, сохраняя и соответственно преобразуя парламентские институты, не лишая никакие общественные слои политических прав и т. д. Однако и в странах народной демократии завоевание и удержание народной власти происходило в условиях острой классовой борьбы, насы-

щенной в большей или меньшей мере элементами гражданской войны, то есть в условиях, в которых «предоставление неограниченной свободы действия всем, в том числе и врагам народной власти, было бы равносильно подрыву ее основ. Исходя из правильного положения, что «социализм по своей природе не может быть пожалован, введен с помощью указов», что при наличии тысяч совершенно новых проблем необходимо развивать самую широкую творческую инициативу масс, Роза выражает вместе с тем опасения, что применение репрессий, отсутствие всеобщих выборов и возникших в их результате представительных органов, кроме Советов, отсутствие «неограниченной свободы печати и собраний» могут привести к бюрократизации рабочих правительств и омертвлению политической жизни». Но разве предположение, высказанное ею, отражало действительность тогдашней Советской России, России в годы революционной войны и гражданской войны? *Это была другая действительность.* Несмотря на то, что в силу необходимости рабоче-крестьянская власть ограничила избирательные права, несмотря на то, что она должна была применять террор против врагов, что она не могла в общем управлять без приказов и распоряжений, революционное творчество масс и в Советах и вне их разливалось тогда мощным потоком инициативы, изобретательности, критики, деятельности, потоком, который, ломая старую жизнь, строил новую. *Этот бурный народный демократизм преобразовал старую Россию, внося новый дух коллективизма, общественной справедливости, энтузиазма, высокой морали и самопожертвования, какого после Парижской Коммуны не знала история.*

И в то время большевистская партия представляла собой не «группу интеллигентов» или «клик», а мощную революционную силу, потому что непосредственно выражала демократические, революционные стремления масс. Проведение в жизнь партийных постановлений было основано на убеждении членов партии и беспартийных в правильности этих постановлений, а принципы демократического централизма соблюдались.

Правда, в период гражданской войны и интервенции, а также перестройки, когда необходимо было всю жизнь построить по военному образцу, принципы демо-

кратизма серьезно ограничивались централизмом. Однако Ленин ясно видел эти процессы и проистекающие из них опасности; а на основе принятых по его инициативе постановлений IX съезда РКП (б) в 1920 году были восстановлены нарушенные принципы демократического централизма. В работах и речах Ленина можно найти сотни высказываний, направленных своим острием против тенденций бюрократического централизма, в которых Ленин видел угрозу не только для демократизма Советской власти, но и для социализма вообще. С огромной тревогой писал об этом Ленин в своих последних работах за год перед смертью, в своих заметках, обнародованных во время XX съезда КПСС. События периода так называемого культа личности в немалой мере подтвердили опасения Ленина.

И можно было бы согласиться с рядом замечаний т. Хохфельда, в которых он пытается выяснить общие причины, приведшие к этим вредным, роковым явлениям. Несомненно, что фактором, затруднявшим социалистическую демократизацию и способствовавшим разрастанию нароста бюрократизма, являлась изоляция Советского Союза, его положение «осажденной крепости». Несомненно, что последующее усиление реакции и антисоветских поползновений империалистических держав на международной арене одновременно с огромными внутренними трудностями, острой классовой и внутрипартийной борьбой создали внутри страны напряженную обстановку, в которой могли родиться тенденции суживания социалистического демократизма, тенденции к ограничению дискуссий, развитию административных бюрократических методов, словом, тенденции нарушения ленинских принципов демократического централизма. Этому особенно способствовали личные черты, стиль и методы работы И. Сталина и ряд развитых им ошибочных концепций, прежде всего неправильная теория непрерывного обострения классовой борьбы по мере успехов строительства социализма, несмотря на уничтожение эксплуататорских классов.

Распространение данных концепций и данной атмосферы на почве механического перенесения опыта — это одна из основных причин извращений и ошибок, допущенных в течение прошлого периода и в нашей стране. Все наши усилия направлены на их преодоление. Но,

ведя борьбу за демократизацию нашей жизни, мы ни на минуту не можем забывать, с *каких* позиций мы ее ведем, за *какую* демократию мы боремся.

Мы ведем свою борьбу с позиций трудящегося народа, который ценой великих жертв завоевал власть и создает новый строй. Мы ведем эту борьбу с ленинских позиций диктатуры пролетариата и за усиление социалистической демократии. В этом заключается смысл развития рабочей демократии — организация рабочих советов на предприятиях, разрыв с методами командования крестьянами, децентрализация системы управления и повышение полномочий народных советов, новые методы сотрудничества с Объединенной крестьянской партией и Демократической партией, введение атмосферы свободной дискуссии в партии и в массовых организациях, демократического характера выборов в сейм и повышение его роли, систематическая борьба за усиление социалистической законности.

Борьба за демократизацию направлена и против попыток возвращения к старым, догматически-административным методам управления и против особенно распространенных сегодня попыток столкнуть нас назад, на позиции буржуазной демократии. *Эта борьба может быть успешной только тогда, когда она ведется с ленинских позиций.* Разве могут вооружить нас в этой борьбе замечания т. Хохфельда, в которых содержится основанная на исторических реминисценциях попытка сделать актуальным в настоящее время постулат «неограниченной свободы собраний и печати»?

Но статья т. Хохфельда не ограничивается этим. В поисках причин, вследствие которых ошибочные методы работы могли «пустить глубокие корни в коммунистических партиях в революционной, наиболее самоотверженной части рабочего движения», он приходит к выводу, что основу для ошибочных, антиленинских методов заложила... сама ленинская концепция партии нового типа. Он утверждает, что якобы эту основу «...заложила идея партии профессиональных революционеров, организованной на принципах централизма, подчиняющейся железной дисциплине».

В этом случае т. Хохфельд *возвращается к дискуссии, происходившей между Розой Люксембург и Владимиром Ильичем Лениным в 1903—1904 годах, о харак-*

тере и строительстве революционной партии, о соотношении между стихийным рабочим движением и организующей ролью партии, проблемой централизма и демократизма в партии; *причем он в сущности находится на позиции Розы.*

Невозможно, да и, пожалуй, нет необходимости заниматься здесь дискуссией на эту тему. Известно, что Ленин, создавая революционную партию на принципах демократического централизма, не противопоставлял централизм демократизму, а рассматривал их в неразрывной связи, несмотря на то, что в нелегальных условиях царской России централизм в партии и роль ее ядра, профессиональных революционеров, должны были особенно подчеркиваться. Опыт Октябрьской революции доказал правильность *обеих сторон* ленинского учения о партии, правильность демократического централизма как основного условия завоевания власти, создания пролетарского государства и строительства социализма. Но вместе с тем опыт дальнейших лет подтвердил опасность, которая может возникнуть в результате подрыва любой из сторон ленинской концепции, прежде всего пренебрежения демократизмом в пользу централизма, опасность замещения демократического централизма централизмом бюрократическим, что проявилось в период так называемого культа личности.

Роза, полемизируя с Лениным, видела в его концепции партии только разросшийся централизм, то, что т. Хохфельд называет «идеей всезнания и всевластия руководства рабочей партии». Отсюда искусственное противопоставление коллективного «я» центрального комитета партии коллективному «я» рабочего класса, революционное творчество и волю которого центральный комитет якобы пытается ограничить и втиснуть в определенные им самим рамки. Т. Хохфельд пишет, что Роза «не верила в непогрешимость неконтролируемых самовластных органов, хотя бы они и создавались из самых благородных революционеров и самых верных последователей учения Маркса». *Но разве ленинская концепция партии когда-нибудь признавала принцип «неконтролируемых, самовластных органов», разве Ленин верил когда-либо в «непогрешимость» партии и ее ЦК, разве не призывал он постоянно партию учиться у масс и сам этого не делал?*

Опыт борьбы за власть рабочих и крестьян показал, что исторический спор между концепцией партии социал-демократического и даже левосоциалистического типа, которую представляла Роза, и концепцией партии ленинского типа решен в пользу ленинской партии. Но означает ли это, что выдвинутые Розой в этом споре проблемы, в том числе и важнейшие проблемы связи партии с массами, применения их инициативы, того, что рождается в процессе их стихийного революционного творчества, не заслуживают того, чтобы возвращаться к ним снова и снова? Означает ли это, что мы не должны снова и снова возвращаться к вопросу о подмеченной ею опасности разрастания в партии и государстве пагубных для социализма бюрократических, антидемократических тенденций? Наверное, нет. Многие замечания Розы на эту тему дают немало для мысли, побуждают к плодотворным выводам и в настоящее время. Ясно, что иной была роль партии в процессе борьбы за власть, когда она опиралась на массы, и иначе стоял вопрос о поддержании тесной и живой связи с массами в условиях строительства социализма, когда, с одной стороны, разрастают сознательность и требования трудящихся масс, а с другой стороны, в партии могут появиться тенденции к рутине и консерватизму. В ленинских директивах не все могло быть предусмотрено относительно данного круга проблем; *но именно эти, а не другие директивы дают нам ключ к творческим решениям.*

Подведем итоги: Роза правильно указывала на опасность, которая может возникнуть в результате односторонней централизации, разрастания бюрократизма и ограничения демократизма в системе диктатуры пролетариата, опасность, которую Ленин видел во всей ее полноте; ее последствия ощущало все международное рабочее движение и весь лагерь социализма в прошлый период. Но источники вышеуказанных явлений заключались не в ленинской концепции партии, диктатуры пролетариата, социалистической демократии — как это вытекает из выводов т. Хохфельда, — а в том, *что в ряде существенных вопросов были сделаны отступления от этих ленинских концепций.*

Понятно, что в настоящий момент мы ищем в прошлом рабочего движения и достижениях социалистиче-

ской мысли *все*, что вооружило бы нас против ошибок и антиленинских извращений, допущенных в минувшем периоде. Несомненно, что много ценных мыслей, содержащих предостережение об опасности бюрократизма, опасности подрыва демократии в жизни партии и социалистического государства, мы найдем и в богатом наследии Розы Люксембург. Другое дело, что взгляды Розы, отличающиеся от взглядов Ленина, используются как исходный пункт для того, чтобы ставить под вопрос ленинские концепции рабочей партии и социалистической демократии. Не с позиций «интегральной демократии», а с позиций демократии рабочей, социалистической мы боремся за преодоление антидемократических и антисоциалистических извращений и за предохранение себя от них в будущем. *Для успешной борьбы за осуществление этой задачи необходимо последовательно претворять ленинские принципы в жизнь, творчески развивать их в условиях каждой страны и современного этапа, а не скатываться с ленинских позиций.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья	5
В. Найденов. Ревизионизм и догматизм в современном рабочем движении	35
К. Алмэшан. Современный ревизионизм — главная опасность в рабочем движении	61
Сун Дин-го. Борьба против ревизионизма в философии	75
Р. Гароди. Введение в марксизм или введение в ревизионизм?	86
Г. Лей. О некоторых вопросах философии Эрнста Блоха	111
Р. Гропп. Философия надежды Эрнста Блоха — антимарксистское учение о спасении мира	141
Г. Кох. Политика, литературоведение и позиция Георга Лукача	188
Г. Кох. Теория и политика у Георга Лукача	212
Н. Ирибаджаков. Партийность и общественная наука	248
Цжан Си-лунь. Критика ревизионистских взглядов в учении о партии и государстве	276
Г. Аксен. Против фальсификации марксизма-ленинизма и тенденций раскола рабочего движения	284
В. Ледюк. Новые пути ревизионизма	295
Л. Красуцкий. Действительность и созерцательность	311
Ю. Ковальский. По поводу полемики вокруг работы Розы Люксембург «Русская революция»	325
А. Геде. Интернационализм научного коммунизма и национальный коммунизм	339

Зр-20658

09 1959 г.
Акт № 62